

18+

Александр Черенов

О ВЫСОЦКОМ,
О «БИТЛЗ»,
О ЖУКОВЕ...
И О СЕБЕ

Александр Черенов

**О ВЫСОЦКОМ, О «БИТЛЗ»,
О ЖУКОВЕ... И О СЕБЕ**

«Издательские решения»

Черенов А.

О ВЫСОЦКОМ, О «БИТЛЗ», О ЖУКОВЕ... И О СЕБЕ /
А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519574-6

Автор всегда предпочитал работу с крупными формами, но иногда обращался и к малым: рассказы, очерки, статьи, эссе. Ведь иногда, чтобы выразить мысль и настроение, крупные формы не нужны. В этом сборнике представлена лишь малая толика из написанного «в стол» в разные годы. Конечно, автор писал о том, что его волновало в то конкретное время. Но он надеется, что эти его опыты в работе с «малыми формами» не потеряли своей актуальности и донныне, равно как герои и антигерои его скромных трудов.

ISBN 978-5-00-519574-6

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Бархатный сезон в Крыму	6
Бесплатный сыр из мышеловки	9
Бесплатный сыр из мышеловки: полная версия	11
Конец ознакомительного фрагмента.	31

О ВЫСОЦКОМ, О «БИТЛЗ», О ЖУКОВЕ... И О СЕБЕ

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2021

ISBN 978-5-0051-9574-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бархатный сезон в Крыму

Речь пойдёт о восьмидесятих годах века минувшего. Ещё был Советский Союз. А ещё был Крым – область Советской, не «незалежной» Украины, куда мог свободно приехать любой советский гражданин. (Разумеется, из числа тех, кто ехал туда, пусть и налегке, но не за счёт пустых карманов).

Свободно приехали туда и мы с приятелем: воспользовались случаем. Как-то в августе отпустило нас начальство в командировку в Днепропетровск на тамошний металлургический завод «по вопросам согласования и увязывания». Проще говоря, «толкачами».

По прибытию нас сразу же «обрадовали»: «зайдите на недельке». В переводе с канцелярского на русский: «Дней через десять, если повезёт». Отбили телеграмму «на родину», получили добро на ожидание, и стали думать, что делать дальше. Определиться с планами на будущее помог сосед по гостиничному номеру: «Что вам тут делать – поезжайте в Крым! Десять часов поездом – и вы в Симферополе! А там – на троллейбус, и сходи на любой понравившейся остановке!».

Мы поблагодарили «благодетеля», и в тот же вечер (благо, с билетами не было проблем) отбыли в Симферополь. Хорошо ехать ночью: время летит быстро. И вот уже – Симферополь. Первым делом решили определиться с маршрутом: соблазнов – хоть отбавляй! И то: на пути следования троллейбуса от Симферополя до Ялты – Алушта, Гурзуф, Никитский ботанический сад, «Артек»! От одних названий дух захватывает! А дальше, вдоль Южного берега – Мисхор, «Ласточкино гнездо», Ливадия, Алупка, Симеиз, Кореиз! Магия карты такова, что глаз не оторвать!

После некоторых раздумий решили не оригинальничать и доехать до конечной точки маршрута – Ялты – а там видно будет. Всю дорогу, пока ехали, а это часа два «с хвостиком», душа пела от восторга. А, уж, когда из-за поворота показался знакомый силуэт Аю-Дага, мы буквально воспарили: «Артек»!

Приехали. В двух шагах от остановки – квартирное бюро. Подступиться невозможно, но подступились. Хотя лучше было спокойно постоять в сторонке: сберегли бы и нервы, и силы. Почему? Да, потому, что тётенька в окошке металлическим голосом то и дело оповещала страждущих: «Только семейным с детьми, и не меньше, чем на три недели!». Нас, даже при желании, нельзя было отнести к семейным, тем паче, с детьми (не нынешнее, однако, время!). Да и приехали мы, максимум, на полторы недели.

Но всё когда-нибудь кончается. Кончилась и наша пора ожидания, больше смахивающая на нервотрёпку. Какая-то тётенька подошла к нам (сама!), и, узнав, что нас только двое, и что прибыли мы всего лишь «на недельку-другую», предложила (опять же сама!) проследовать. Не «проследовать», а именно проследовать! То есть, в обычный дом, а не в «казённый»!

Сговорились на трёх рублях в день «с носа», с уплатой «гонорара» за неделю вперёд. Мы «съели и не подавились». Так же легко прошёл и ультиматум хозяйки: «Выход в поле» – в восемь часов, и чтобы до двенадцатого удара в полночь я вас здесь не видела!». Да и то: „Я приехал отдыхать, и от сваво не отступлюся...», как пелось в одной из пародий на песню Высоцкого «Это был воскресный день». Мы тоже приехали отдыхать, а не сидеть взаперти под бдящим оком квартирной хозяйки!

«Отдыхаю я хорошо, только устаю сильно» (Григорий Горин). Это – и про нас, и про наших «соратников по борьбе за здоровый образ жизни», и за условия, которые предлагал нам бархатный сезон доперестроечного Крыма. Первой из проблем, с которой мы столкнулись, было питание. Я не сразу понял, почему у закрытых дверей занюханых столовок – такие толпы людей с маленькими бумажками в руках! Можно ведь пойти в кафешку под открытым небом или в соседнюю столовую, в которой почти нет народу!

Оказалось, «не можно»: бумажки, которые вертели в руках оголодавшие курортники, были талонами на завтрак, обед и ужин. И кормиться несчастный «пипл» мог только в указанных на бумажках учреждениях общепита! Такая, вот, почти «крепостная зависимость»! И все терпеливо отбывали повинность: «уплОчено».

В отличие от «пипла», мы были «дикарями», не связанными обязательствами и внесёнными платежами, и поэтому бродили в поисках хлеба насущного по всему побережью. Поскольку рассчитывались мы наличными, не торгуясь, то отношение к нам было, если и не дружеским, то и не враждебным.

Проблемой номер два стал выбор места отдыха. Как тут не вспомнить советские комедии и юморески на тему «занял очередь к лежаку». А ведь не шутка: так и было! И «путешествие по телам» – тоже не шутка. А как иначе было добраться до освободившегося квадратного метра грязного галечника?!

Мы с коллегой шутили минуты две, не больше. Ровно столько времени нам понадобилось для того, чтобы увидеть себя застрявшими в плотных слоях лежащих впритык друг к другу человеческих тел. Это уже потом мы определились с методой: один дежурит наверху, у ограждения, а другой ждёт его «целеуказания» внизу, чтобы успеть первым к освободившемуся лежаку.

Так мы маялись полтора дня, а потом решили мигрировать. Сели на борт «Кометы» – и в путь, на поиски лучшей доли. До Алушты ничего приличного в плане хотя бы галечника нам не попало. Но когда мы прибыли в Алушту, то пожалели о том, что не высадились где-нибудь по дороге. Во-первых, то что «алуштяне и гости нашего города» полагали городским пляжем, таковым не являлось. Разве можно считать пляжем узкую полоску грязного галечника, к тому же, забитую «пережаренными» телами курортников «под завязку», как сельдь в бочке?! «Пипл» принимал солнечные ванны даже на бетонных парапетах: других «свободных лежаков» в наличии не имелось!

А, во-вторых, даже этот якобы пляж оказался закрыт санинспекцией akurat с нашим появлением: городская канализация в очередной раз прорвалась в море. Нам даже посчастливилось лично видеть это, как оказалось, не редкое и совсем не природное явление. Мы не только видели, но и слышали носом, как тугая, метровой толщины, грязно-зелёная змея канализационных выбросов медленно извивалась в прибрежных водах, которые цветом и прозрачностью ненамного отличались от канализации. На десятки метров вокруг всё благоухало ароматами жизнедеятельности города.

Лучшее, что мы могли сделать, так это спешно эвакуироваться в безопасное место. На прощание мы отведали местного рислинга из автоматов, которые в других местах Союза предлагали газированную воду. стакан винца стоил всего двугривенный, и, честно говоря, монета с вином стоили друг друга. Нашего совместного с приятелем мужества хватило только на полстакана. Хотя, чего мы ещё могли желать за двадцать копеек?! Не бургундского же урожая тысяча восемьсот какого-нибудь года!

В поисках лучшей доли мы вновь «оседлали» Комету» и двинулись вдоль берега. На пляж в этот день нам попасть так и не довелось, но зато мы побывали в «Артеке», Гурзуфе и Никитском ботаническом саду. «Артек» ничем особенно не запомнился, если не считать способа проникновения: через забор. Побродили по территории, посмотрели – и скептически pokrивили щеками: «Рядовой товарищ» – а разговору-то!». И действительно: за забором обстановка была ничуть не хуже. И, если бы не крутизна подъёма, то даже интереснее: кипарисы, лавры, магнолии – по обе стороны тропы! А дух от них такой, что одурманивает мгновенно!

А, вот, два других визита отложились в памяти добром. В Гурзуфе мы побродили по узким, кривым улочкам, под острым углом идущим от побережья вверх. Мы ходили и дивились местным саклям, вырубленным в скальных монолитах. Если не изменяет память, на паре

дверей мы даже видели мемориальные таблички на тему кратковременного пребывания здесь писателей Чехова и Короленко.

Никитский ботанический сад запомнился простотой доступа, отсутствием навязчивого сервиса, возможностью бродить, где угодно и сколько угодно, отличной погодой и благоуханием целых морей тропической и субтропической флоры. А ещё мы с приятелем едва не угодили в кино: нас ангажировали на роль «праздной публики, совершающей вечерний променад». Как раз, в это время здесь снимался фильм «Белый пудель» по рассказу А. Куприна, и ассистенты режиссёра «отлавливали подходящий материал». Мы подошли фактурой, но не пропиской: материал требовался исключительно местный. В итоге, «плакали» наши пять рублей за день съёмок.

На следующий день мы «заправились» с утра пораньше, и «пошли другим путём» – в направлении Алупки. По дороге заглянули в Мисхор, оперативно ужаснулись... и скоренько загрузились обратно в «Комету». «Ласточкино гнездо» привлекало обещанной возможностью отведать наверху хороших вин и коньяков, но крутизна и длина подъёма напрочь отбивали всякое желание, заставляя вспомнить народную мудрость про овчинку, которая не стоит выделки.

Уже через полчаса пребывания в Алупке мы поняли: наше! «От добра добра не ищут», тем паче, что за Воронцовским дворцом мы нашли затерянный в зарослях спуск к дикому пляжу, на котором к моменту нашего появления отдыхало всего две семейные пары. Поначалу нам вряд ли обрадовались, но когда мы появились на следующее утро, то по дружелюбным улыбкам поняли, что «зачислены в ряды аборигенов».

Борьба «за место под солнцем» того стоила: местечко оказалось совершенно диким, с узким пляжем, начинавшимся сразу же за обрывистым спуском с горы. Сам пляж был «смешанного состава»: привычный галечник соседствовал с полосками кварцевого песка. Разделённые сотней метров скалы выступали в море так, что образовывали уютную лагуну со стоячей водой, отсутствующими волнами и поросшими мхом валунами в десяти-двадцати метрах от берега. В отличие от соседних «открытых вод» здешнее море прогревалось едва ли не до состояния парного молока.

На этом пляже мы провели семь потрясающих дней. Вечерами мы возвращались в Ялту, быстренько переодевались «в штатское», и занимали очередь либо в один из ресторанов на набережной, либо в пивной бар «Штурвал». А что: гулять – так гулять! Если не удавалось прорваться на «культурное мероприятие», мы шли в один из соседних магазинчиков, и покупали прекрасное массандровское вино («Чёрный доктор» или «Красный камень»). Это было настоящее массандровское вино, ведь Массандра располагалась в трёх километрах от Ялты, в прямой видимости с возвышенности, что за автовокзалом.

Но любой сказке приходит конец. Пришёл конец и этой: в десятый день от прибытия мы позвонили на завод, и узнали, что заказ наш будет готов через день. Проблем не случилось и с обратными билетами: нам повезло больше тех бедолаг, кто пытался воспользоваться услугами Аэрофлота. И через день мы уже телеграфировали из Днепропетровска «на родину»: «Возвращаемся со щитом!».

Конечно, наш «чернокожий» вид – загорели мы, как черти – выдавал нас с головой. Но мы были непоколебимы: «Это всё – жара в Днепропетровске!». И то: кто видел и слышал, как у нас обоих по прибытию в город на Днепре стучали зубы от холода, когда с реки несло таким «бодрящим ветерком» – хоть в шубу заворачивайся?!

2008

Бесплатный сыр из мышеловки

Середина девяностых годов двадцатого века. «Как говорит наш замечательный сатирик Аркадий Райкин», «жуткая, жутчайшая была эпоха, и настроение было мерзопакостное». Жизнь на распутье: старое ломали через колено, новое росло, как грибы-поганки. Не зря у китайцев самое страшное пожелание: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!». Ни приличной работы, ни приличных денег, ни зримых перспектив. Мне, классному, без ложной скромности, юристу, приходилось хвататься за любую копейку и за любого клиента. Клиент шёл, в основном, «с прошлым». Такое было время, когда в сегодняшние бизнесмены выходили вчерашние уголовники.

Вот эту публику мне и довелось представлять в разных судах и на разных «стрелках». Результат моих трудов был «пятьдесят на пятьдесят»: где-то я «попадал», и не получал ни копейки, а где-то мне платили согласно уговору. Именно так: в ста процентах договорённостей стороны обходились джентльменским соглашением, когда устные кондиции исполняются так же, как и письменные.

Работа появлялась от случая от случая: всё остальное время приходилось уподобляться волку, которого ноги кормят. Иначе говоря, бегать и стучать в закрытые двери в надежде на то, что логия Христа, в конце концов, оправдается: «Стучите, и отворят вам». Но, сколько я ни стучал, а не отворили.

И вот, однажды, в очередную минуту очередного же отчаяния, в какой-то заштатной газетёнке, в самом «подвале» на четвёртой полосе, мне на глаза попало крохотное объявление. Я прочитал его раз, другой, третий – и вдруг подумал: «А почему бы и нет?!». Объявление было любопытным: «Общество защиты прав русскоязычного населения в Казахстане оказывает помощь всем лицам русской национальности в переезде на постоянное место жительства в Канаду. Переезд членов семьи и перевоз багажа бесплатно». Дальше предлагалось сообщить личные данные, наличие образования, знание языков и прочее резюме.

Время было лихое – обманывали через раз – и бесплатный характер такой дорогостоящей услуги показался мне подозрительным: «лохотрон». Но, с другой стороны, «Ванька с Манькой» тогда бежали из «всесоюзной лаборатории дружбы народов», куда глаза глядят: начиналась «дружба в новой редакции». Находились и помощники, и кому-то действительно удавалось воспользоваться помощью. Вот и подумалось: «А чем я хуже?!». И, потом, я ведь ещё не паковал чемоданы. Для начала я отправил письмо на указанный в объявлении адрес с «самодонсом» согласно инструкции благодетеля. Таких писем я отправил тогда множество, но и этим не погнушался: запас карман не тянет.

С того момента прошло месяцев девять, не меньше. Я уже нашёл приличную, высокооплачиваемую (правда, «в конверте») работу, и думать забыл о том, что когда-то куда-то писал. Я ездил и летал по городам и весям, дела шли, денежки тоже – большего, казалось, и не нужно. И вдруг, вернувшись из очередной командировки, я получаю от домочадцев явно не «нашенского» вида конверт. На нём красовались полдюжины штемпелей разного формата и цвета. Обратный адрес и вовсе «убивал»: «Calgary, Canada».

А я уже и забыл о том, как просил: «Дедушка Константин Макарыч, заberi меня отсюда!»! С удивлением и дрожью в руках я разорвал конверт. На фирменном бланке «Общества защиты русскоязычного населения в Казахстане» было отпечатано всего две строки: «Уважаемый господин такой-то! Ваша просьба рассмотрена и признана подлежащей удовлетворению. В ближайшее время наши сотрудники свяжутся с Вами для дачи инструкций». Письмо было подписано «оригинальной» русской фамилией: то ли Иванов, то ли Петров.

Через два дня мне действительно позвонили. «Товарищ на том конце провода» уточнил мои реквизиты, частично «сдал» свои, после чего предложил мне... добратсья поездом

до города Курган, находящегося уже за пределами Казахстана. На мой удивлённый вопрос «А при чём тут Курган?!» «товарищ» ответил, что представителей их «Общества добрых самаритян» казахские националисты на территорию республики не пускают.

Объяснение прозвучало вполне правдоподобно и убедительно. Я уже раздумал удивляться дальше, но, как оказалось, поторопился. «Обзвоните, пожалуйста, следующих господ, а то мы сами не можем дозвониться до них, а „висеть“ на телефоне дорого!». И мне был «вручён» список из пяти жителей нашего города. Фамилии двух русскоязычных звучали совсем не «русскоязычно»: один – явный узбек, другой – «не менее явный» татарин.

«А эти – с какого боку?!» – не выдержал я. На том конце растерялись. И лишь спустя несколько секунд дрогнувший голос попытался рассмеяться: «Точно – чёрт с ними!». Мне бы насторожиться: «Выходит, всё равно, кого?!», но я не насторожился. Не насторожился я и желанием «богатеньких филантропов» сэкономить на звонках. Оставшихся соискателей заморского счастья я честно обзвонил, сказал дома, что поеду всего лишь на разведку – и отбыл в Курган...

Таких, как я, «беженцев», набралось две дюжины. Некоторые были с жёнами и детьми, и почти все – с багажом. На их фоне я выглядел легкомысленным туристом: «omnia mea tecum porto». Нам устроили переключку – и предложили пройти на посадку... в вагон поезда, следующего маршрутом Курган – Москва. Всё было настолько неожиданно, что я едва успел звякнуть домой: «Слетаю, и если что не так – сразу же назад!».

В Москве мы не задержались, и сразу же отправились в Шереметьево. Наши провожатые суетились, слегка нервничали, но это не настораживало: «везут очередную партию беженцев». И только, когда мы прошли пограничный контроль, что-то ёкнуло у меня в сердце: «Слишком всё это просто для того, чтобы оказаться правдой». Но было уже поздно: тётенька стюардесса пригласила нас на борт «ветеранистого» «Боинга».

От Москвы до Монреаля (прямого рейса до Калгари не было) лететь больше семнадцати часов. Достаточно для того, чтобы «поумнеть задним числом». Поэтому настроение, после первых минут эйфории, дружно испортилось у всех. Почему-то. В Монреале мы тоже не задержались: рейс на Калгари отправлялся через два часа после нашего прилёта. Так, что даже города я не успел осмотреть – только окрестности Международного аэропорта...

И, вот, наконец, Калгари. Когда мы вышли из здания аэровокзала, я увидел длинный автобус с зашторенными окнами, и вдруг подумал: «За нами». Я не ошибся: нам подали именно этот автобус. «Приглашение на посадку» было исполнено приказным тоном. От былой вежливости наших провожатых и следа не осталось. Всю дорогу, пока нас везли куда-то под цепкими взглядами «принимающей стороны», в мозгу крутилась одна лишь давно и не мной избитая мысль: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

Спустя час автобус остановился – и нам предложили выгружаться. И только здесь я понял, если не всё, то многое. Выбеленные известью одноэтажные домики, больше похожие на бараки, длиннющий забор – и колючая проволока, обвивающая фарфоровые изоляторы на толстых столбах. Мордастые бугаи с овчарками на коротких поводках ничем не напоминали пионервожатых. Я никогда не был в концлагере – даже на экскурсии – но видел картинки. На инсценировку для толстосумов, жаждущих острых ощущений, это не походило: мы больше смахивали на голодранцев. А ведь какой-то «благодетель» потратился. Значит, предстоял «расчёт за сыр»...

2012

Бесплатный сыр из мышеловки: полная версия

В начале девяносто седьмого в какой-то газетёнке, в самом её «подвале» на последней странице, мне попадает на глаза скромное объявление об оказании помощи русскоязычному населению республики в переезде на «ПМЖ» в Канаду. Чем зацепило меня это объявление, чёрт его знает. Скорее всего, момент оказался подходящий: классическое «безрыбье».

Но даже «при всём, при этом» настораживало оно больше, чем радовало. Скоро я осознал причину: бескорыстность. Неизвестные благодетели из этого «братства самаритян» брали на себя все расходы по переезду не только заявителя, но и членов его семьи, и всего его имущества. По причине масштабов, от подобного бескорыстия могло пахнуть только дурно. Так от него и пахло – бесплатным сыром, который, как известно, бывает только в мышеловке.

Нет, письмо на указанный адрес я написал, и обстоятельное, с краткой автобиографией и небольшим преувеличением личных качеств и заслуг. Расхваливал я себя не по личной инициативе, а во исполнение приказа (текста объявления). Но всё это – и писал, и хвастался – я делал просто так: «от балды». Больше тешил себя надеждой, чем рассчитывал на что-то серьёзное. Как говорится: «на всякий пожарный случай».

Да и иллюзорной надеждой я тешил себя потому, что других не было. Время на дворе стояло тогда смутное: я только что принял решение окончательно расстаться с очередным негодяем-работодателем, который систематически унижал моё человеческое достоинство систематическими же задержками в выплате гонорара. Других негодяев взамен этого на примете у меня тогда не имелось, и я готов был купиться на любую дешёвку, хотя бы до наступления «момента истины». Классика: пока ждешь – всё, вроде, «надежды юношу питали». Самый подходящий момент для иллюзий.

Я написал письмо, отправил его... и забыл о нём. И тому были причины. Главная: ну, вот, не поверил я в эту затею. Очень, уж, она походила на очередную дурилку. Пусть и не сто-процентная аналогия, но нечто подобное в моей биографии уже имелось. Поэтому я почти не сомневался в том, что в лучшем случае мне попросту не ответят. В худшем попросят выслать деньги «на конверты и почтовые марки». И всё это в такой сумме, которой хватит на приглашения всем русскоязычным за пределами России.

Другая, «не менее главная», причина заключалась в том, что я помирился с негодяем-работодателем. Тот де-факто, пусть и не де-юре, извинился за своё хамство, и уплатил мне все долги. Все – до последнего цента. Мы опять стали поделщиками «не разлей-вода», и какого хрена мне ещё нужно было в такой ситуации?!

Но мысли о «дембеле», тем не менее, не ушли, а всего лишь притаились на окраинах черепушки. Они дремали, но не тихо-мирно, а тревожной дрёмой. Очередному всплеску миграции русского населения республики ничего не стоило реанимировать их. А тут, как раз, подоспело чудо – в виде ответа из Канады. Правда, канадцы почему-то отвечали мне с территории России. Как бывший следователь и просто здравомыслящий человек, я не мог не заинтересоваться: «почему?». Это было тем более странно, что письмо я отправлял на канадский адрес, и оно никак не могло «свернуть по дороге» в Россию. И «Канада» на конверте никак не могла оказаться ни «замаскированной» Россией, ни «паролем для российской явки». То есть, «Канада на конверте» оказалась действительно Канадой, и в этом у меня не было никаких сомнений.

Ответ товарища, который звонил мне, не внёс успокоения. Оказалось, что «канадец», говоривший по-русски не хуже меня, звонил из приграничного Кургана лишь потому, что в нашу республику его с товарищами не пустили. Не пустили уже по причине одного лишь названия: «Общество защиты прав русскоязычного населения». «Туземно-демократический» режим счёл это название оскорбительным и провокационным, поскольку, по его мнению, русскоязычное население республики ни в чём не ущемлялось, а сотнями тысяч в год эмигриро-

вало исключительно из желания «вернуться на историческую Родину». «Колено под зад» всего лишь способствовало быстрее реализации желания.

Вот и пришлось «канадским русским» устроить свою штаб-квартиру в непосредственной близости от границ республики. Сюда мне и было предложено явиться в недельный срок для предоставления дополнительных сведений и согласования деталей переезда. Кроме временного обиталища «канадцев», ничто больше в этой истории меня не настораживало... до того самого момента, когда звонивший попросил, и как-то так: между прочим – «передать по цепочке». Иначе говоря, я должен был продублировать «заветное» приглашение ещё четырём жителям нашего городка, так же, как и я, вожделевшим Канаду.

«А вот это уже не просто несерьёзно, а кое-что совсем другое!» – подумалось тогда мне. И то: если «Общество» – солидная организация, то почему она играет в «испорченный телефон»: «мы не можем дозвониться до них!»! До меня-то дозвонились! А «передавать по инстанции» – это как-то... С деньгами проблема, что ли?

Но куда больше меня «убил» перечень реквизитов этих лиц. Среди подлежащих защите русских оказались... два тюрка: узбек и татарин! И тут я не удержался и выразил сомнение, как в принадлежности этих лиц к русской нации, так и в необходимости брать их под защиту в республике, где «все равны», но тюрки «равнее». К моему очередному удивлению, «канадский русский» внезапно смутился – даже по телефону я «увидел» румянец на его щеках – и моментально согласился с моими доводами. Да ещё в какой оригинальной форме: «Верно, ну их к чёрту!».

Скоропостижная покладистость меня не только не успокоила, но ещё больше насторожила. Выходило, что приглашающей стороне всё равно, кого приглашать, хоть русского, хоть узбека, хоть чёрта лысого. А отсюда уже с неизбежностью следовал другой вывод: что-то здесь нечисто. А, может, даже не что-то, а всё. Жизненный опыт подсказывал мне, что благородное название – всего лишь вывеска. Больше того: ширма, за которой скрывается совсем другое учреждение, преследующее цели, весьма далёкие от кровной солидарности и альтруизма.

Я уже не столько печёнкой, сколько мозгами чувствовал: «Общество» – никакой не защитник угнетённый, а, напротив, обыкновенный вербовщик. Вербовщик и посредник. Мужички стараются явно не для себя. Они выполняют заказ, и не простого работодателя, нуждающегося в притоке рабочей силы, а какой-нибудь тоталитарной секты, типа кришнаитов или «Свидетелей Йеговы» (признана таковой и запрещена в России). Иначе говоря, людей заманивают «пряником эмиграции» в элементарное рабство. Я не «накручивал»: у меня были основания думать именно так. В своё время целых два года меня охмуряли баптисты, и кое-какой опыт в распознавании «данайских даров» и «волков в овечьей шкуре» я имел.

А тут ещё эта благотворительность: дармовая транспортировка за океан. И, ладно бы одних тел, а то ведь и фамильного скарба! В реальной жизни так не бывает. Всё это «бескорыстие» очень, уж, смахивает на «бесплатный сыр», который, как известно, подают только в мышеловке. В реальной жизни за всё надо платить. И, ещё не положив трубку, я почему-то уже не сомневался в том, что и с меня, если я отважусь на эту авантюру, тоже взыщут, и ещё, как! Точно так же поступали с русскими девицами, которых заманивали на Восток «бесплатным пряником кабаре», а потом «по-хорошему просили» «оплатить проезд» натурой. В местных борделях. О подобных «эксцессах бескорыстия» я знал уже не только из телевизора: одной из «жертв альтруизма» оказалась знакомая моих знакомых.

Разумеется, ничего этого в трубку я не сказал. Более того, запросил у товарища подробные реквизиты: адрес штаб-квартиры, Ф.И.О. лица, к которому мне надлежит обратиться, перечень документов, с которыми я должен прибыть на встречу с работодателем... виноват: работодателем. Я даже позвонил одному из намеченных к жертвоприношению. В отличие от меня, тот воспринял приглашение с непонятным энтузиазмом, даже не задавая вопросов. Но это уже не могло повлиять на мою решимость никуда не ехать: ни в Курган, ни, тем более, в Канаду.

А тут, как раз, подоспела командировка по одному из бесчисленных скандальных дел моего клиента, не самого пунктуального в части выплат, зато самого щедрого. В скандальности дела не было ничего удивительного: других у заказчика и не водилось. Я сел в самолёт, и мне уже было не до «Канады»: гонорары-то надо отрабатывать – даже по безнадёжным делам. «Бодался» я за тысячи километров от родного дома, хоть и в одиночку, но героически – «до последнего патрона», каковым и «добил» истца по делу. По возвращению домой я заслужил очередную порцию хвалебных отзывов и даже незначительную прибавку к «денежному содержанию». Всё это вкуче никак не способствовало движению мыслей в направлении Канады. И со временем тема перешла в разряд глубокого прошлого... которого, быть может, и вовсе не было...

Приземляемся в Монреале, но увидеть город мне удаётся лишь в пределах аэропорта: борт на Калгари вылетает уже через полчаса. Калгари – это, мягко говоря, не совсем рядом: на другом конце страны, километрах в трёхстах южнее Эдмонта. Приземляемся ещё раз. Нас уже ждут: надеюсь, что это не «двое с носилками и один с топором». Грузимся в приличный с виду автобус, типа немецкого «МАН», которые ходят у нас на междугородных линиях, и сразу же отправляемся в город. А, может, через город – кто его знает?

Что сказать по первому впечатлению? Город – игрушка: чистенький, ровненький, аккуратненький. До сего времени я знал о нём лишь то, что в восемьдесят восьмом он был местом проведения зимней Олимпиады. Но тогда я смотрел только соревнования и на виды города видов не имел. Мне отчего-то представлялось, что это – современная деревня, как и все олимпийские столицы до него. Оказывается, я ошибался: по части небоскрёбов Калгари ничем не уступает американским городам-миллионникам из числа тех, которых я видел, разумеется, только по телевизору. Даже в количестве небоскрёбов я не вижу большой разницы: не Нью-Йорк, конечно, но и не хуже Атланты с Хьюстоном. А Калгари Тауэр со своими ста девятиста метрами «роста» может составить достойную конкуренцию самой Эмпайр Стейт билдинг.

Приятно удивляет природа: город – совсем неподалёку от гор, и по форме, и по факту справедливо именуемых Скалистыми. Одним боком он буквально прижимается к ним. Много зелени, и большая её часть производит впечатление «настоящей», позаимствованной у природы или таковой и являющейся. Очень чисто. Порядок, по нашим меркам, необыкновенный: ни «бычка», ни бумажки.

Но это же и отвращает русского человека: какое-то всё не родное. Мы привыкли к широте во всём. К тому, что не только «на пыльных дорожках далёких планет останутся наши следы». Для этого нам не нужны далёкие планеты. Русь... она и есть Русь: «коль ругнуть, так сторяча, коль рубнуть, так, уж сплеча». А тут... Ну, не за что глазом зацепиться – настолько всё стерильно и правильно. Ну, никакого чувства меры! Никаких нормальных пропорций! И население – подстать городу: такое же гладенькое и рафинированное. Все – круглолицые, розовощёкие и какие-то бутафорские, словно сделанные из воска и папье-маше.

Червячок сомнения не зря точил меня изнутри: мы следуем через город. В неизвестном пока направлении. Дураки-соседи всю дорогу предаются непонятым восторгам. Со всех сторон то и дело слышатся провинциальные «ахи» и «охи». Народ явно собрался «к тёще на блины»: «обещались ведь». Молчу – только кошу глазом. И «не пропадёт наш скорбный труд»: одно из сопровождающих лиц догадывается о том, что я догадываюсь. И не просто догадываюсь, а о том, что ждёт нас вовсе не «страна Лимония, где сорок звонков – и все на обед». Ничего удивительного, потому что классика: «я знаю, что ты знаешь, что я знаю».

Кося уже на меня глазом, это лицо... больше заслуживающее чина морды, о чём-то шепчется с парочкой других... мордovorотов от принимающей стороны. Косые взгляды в меня сыплются теперь с трёх сторон. Не жду ничего хорошего, но, всё равно, жду. Жду адекватной – в своей неадекватности – реакции. Почему-то её не следует. Вероятно, «принимающая сторона» решает повременить с санкциями: кроме молчания и хмурой рожи, мне и предъявить-то

ничего. Хотя наверняка я уже взят на карандаш. Этот условный инцидент ещё больше убеждает меня в том, насколько, всё же, прав Баратынский: «Не властны мы в самих себе...». И то: был бы властен – не сидел бы здесь, «ожидаючи приговора».

Городу положено когда-нибудь кончиться... и он так и делает. Нет, природа всё ещё «продолжает иметь место», но это место уже совсем другое. Опять почему-то не удивлён: нечто подобное я и ожидал увидеть. Это «нечто» – среднее между пионерским лагерем и «лагерем труда и отдыха усиленного режима». Высоченный забор с орнаментом из колючей проволоки, явно различимыми фарфоровыми изоляторами и сторожевыми вышками даже законченного идиота мгновенно просветят о характере заведения. Ну, если не о характере, то о «режиме отбывания» – наверняка.

У ворот нас встречают улыбками радушная делегация принимающей стороны. Улыбками «радушные» не ограничивается: бьёт через край. Правда, весьма специфически: немецкими овчарками и помповыми ружьями на груди мордастых охранников. Щёлкают затворы электрического замка – и ворота медленно разъезжаются в стороны. Жду, когда так же медленно въедет в них автобус. Не дожидаясь: следует команда «На выход с вещами!»... Почти так: мы ведь прибываем налегке, потому что багаж должен воспоследовать другим транспортом. Должен... хотя я уже не уверен в этом. Больше того, уверен в обратном. Но это – проблемы остального контингента: лично я прибыл налегке. В точном соответствии с классикой: «omnia mea tecum porto» – «всё мое ношу с собой».

Глупый народ – другого здесь и не водится – ещё ничего не понимает, а, если притворяется, то очень неумело. Хотя, вряд ли притворяется: дурака видно издалека. Входим в ворота, и тут же следует команда: «Становись!». Именно так: как в армии, без всякой лирики. Народ по-прежнему «всё ещё не», а я уже образую строй, пусть и в одиночестве. Одиночество моё не затягивается: дубль команды, исполненной «зубодробительным» тоном, быстро мобилизует новоприбывших, и они неумело, по-штатски, дополняют меня в шеренге.

Минут пять «вспоминаю армию»: построивший нас «сержант» всё это время «обглядывает» строй людоедскими взглядами. Наконец, с истечением пятой минуты ровно по центру образуется некто, которого я сразу же определяю, как лагерфюрера. (Другие, возможно, принимают его за пионервожатого: дяденька одет вполне цивильно, да и, как минимум, снаряды не производит впечатления людоеда). Глаза «босса» – я уже не сомневаюсь, что это он – медленно обходят строй. Наверняка, вздрагиваю не я один: скоростно изменившаяся мимика лагерфюрера как-то сразу располагает к этому. Теперь лицо и глаза его функционируют отдельно друг от друга: лицо растягивается в улыбке, а от глаз веет классическим ледяным холодом.

– Здравствуйте, братья и сестры!

«Сестры»! Через «е»! Строй ещё ничего не сообщает, а моя щека уже сама кривится от постижения: так и надо – сразу «быка за рога»! И то: чего тянуть, если через весьма непродолжительное время и до последнего дурака в шеренге дойдёт «адресок заведения». Лагерфюрер моментально вычисляет меня, но реакцию его я разобрать не могу: то ли он доволен моей сообразительностью, то ли, наоборот, уже вносит меня в кондуит.

Дураки-новоприбывшие, вероятно, полагают, что «братья и сестры» – это от братства по крови: «все мы – русские». В отличие от меня, ни у кого из них нет даже минимального опыта жизни в тоталитарной секте. Поэтому в ответ на приветствие «командования» на большинстве физиономий появляются глуповатые и даже счастливые улыбки. Разумеется, никто и не пытается «соответствовать»: «Здравия желаем, ...Вашство!» – хотя в данном случае это было бы более чем уместно. Ну, если и не уместно, то... всё равно, уместно.

– Поздравляю вас с прибытием в землю обетованную!

И опять дураки «не включают», хотя намёк – уже насквозь прозрачный и для законченных кретинов. Опять кривлю щекой, опять зарабатываю «балл неизвестного происхожде-

ния» – и опять шеренга ощеривается не по уму. Некоторые даже кричат «ура!». До «чепчиков в воздух» дело не доходит лишь потому, что чепчиков не выдали, а то бы коллектив уже полностью соответствовал классике.

– Сейчас вас отведут в баню, распределят по отрядам, ознакомят с правилами внутреннего распорядка нашего учреждения, а завтра у вас начнётся совершенно другая, новая жизнь.

Казалось бы, чего ещё надо: «разжевали и в рот положили», но народ всё ещё «отсутствует мозгами». Никого не удивляет «распределение по отрядам»: все знают, что даже в благословенной Германии репатрианты «из бывшего СССР» вынуждены какое-то время «отбывать на пересылке», тактично именуемой «общежитием для переселенцев». Никого из моих попутчиков – другой характеристики они и не заслуживают – не настораживает определение «земли обетованной» как «учреждения». Поэтому толпа спокойно – как бараны на бойню – и даже с неподдельным энтузиазмом следует на омовение в сопровождении «дружелюбной» охраны.

Не собираюсь никого просвещать: и настроение не то, и желания ни на грош. Для такого случая есть более доходчивые, правда, и более радикальные, методы. Пусть этих «горбатых» «могила исправит»: на то они и «горбатые», а она «могила». А мой номер – шестнадцать. Во всех смыслах: вдруг, и в самом деле, выдадут такой? А в том, что какой-нибудь да выдадут, я уже не сомневаюсь.

Я молча делаю квазистроевой поворот на месте, чтобы условно присоединиться к этим мне, безусловно, не товарищам. Ну, разве что товарищам по несчастью. Да и тут «возможны варианты». Почти в духе Толстого с его «каждой семьёй», которая «несчастлива по-своему». Я почему-то надеюсь на то, что даже в общем бараке каждый из нас будет несчастлив по-своему. Тут и «возможны варианты»: «каждый своего счастья кузнец»... даже в контексте несчастья. И ещё: даже, «влача Христов крест», я не собираюсь нести кусочек соседа...

– Минуточку!

Меня неожиданно придерживают за рукав. Оглядываюсь. Ба: сами герр лагерфюрер!

– Мы можем поговорить наедине?

Усмехаюсь – не слишком весело, но и без пиетета.

– Смешно – особенно применительно к вашему учреждению... герр лагерфюрер.

Теперь уже смеётся он – в отличие от меня, жизнерадостно.

– Вы кажетесь мне единственным «не бараном» из всей этой толпы, уважаемый Александр... Вы позволите так Вас называть?

– А что: номера присваивать не будут?

Внешне, да и голосом, я – сама невинность. Лагерфюрер заливается смехом.

– Вижу, что я не ошибся в Вас! И вижу, что Вас не удивляет моё знакомство с Вашими реквизитами.

Почти равнодушно жму плечами.

– А чему тут удивляться? Я не настолько глуп, чтобы поверить в то, что Вы ограничились лишь сведениями, указанными в письме. Наверняка, «провели разведку на местности».

– Разумеется.

Лагерфюрер тоже не удивляется: спокоен и деловит.

– И по её результатам мы очень хотели заполучить именно Вас, уважаемый Александр. Нет, эти скоты тоже нам пригодятся, но в совершенно ином качестве.

Смотрю на лагерфюрера ироническим взглядом, откуда-то снизу: учитывая метр восемьдесят пять мужика и его почти квадратные габариты, делать это нетрудно.

– Сейчас, конечно, Вы предложите мне должность «капо»?

– «Капо»? – в честном недоумении морщит лоб визави.

– «Кацетполицай», – всё так же «мило» улыбаюсь я. – В фашистских концлагерях – полицейский из числа заключённых. Аналог «отрядов внутреннего порядка» в советских ИТК,

только в более жёсткой форме, потому что «кацет» обычно набирались из уголовников-рецидивистов, которым убить человека – что муху прихлопнуть.

Лицо босса сереет, он уже открывает рот для отповеди, но я не даю ему «отработать на перехват».

– А Ваша контора, судя по всему, недалеко ушла от немецкого «шталага»... Что тут у вас? Что-то вроде общины кришнаитов? Муниты? Свидетели Йеговы? Приверженцы сайентологии? Уверен: что-то вроде этого, только в более жёсткой и прямолинейной форме.

Некоторое время лагерфюрер молча качает головой. Наконец, он хмыкает и усмехается. К моему удивлению – которого я, разумеется, не показываю – выглядит он при этом как-то не очень начальственно и даже смущённо.

– Вы сейчас лишний раз доказали, что мы в Вас не ошиблись... Вы – очень опасный... и очень полезный человек. Поэтому я буду с Вами откровенен: другим это откроется в процессе...

– Эксплуатации, – с невинной рожой ставлю я точку – и зарабатываю ещё один благосклонный взгляд лагерфюрера.

– Приобщения, – несмотря на благосклонность, «скромно» уточняет он. – Эта публика ждала манны небесной – и она получит её...

– В виде перловой крупы, – ещё раз вклиниваюсь я с невинным видом.

Лагерфюрер смущённо – смущения в этой мимике гораздо меньше лукавства – тербит кончик носа.

– Видите ли, дорогой Александр... Коль скоро мы – с Вашей подачи – затронули тему концлагерей, Вы должны помнить любопытную надпись над воротами одного из учреждений этой системы.

– «Jedem das Seine»? – не слишком трачусь я на догадку.

– Именно.

Лицо контрагента, только что излучавшее симпатию в мой адрес, внезапно меняет выражение. Черты его ужесточаются, а из-под сдвинутых бровей на меня смотрят холодные колючие глаза совсем не Деда Мороза. Надеюсь, что всё это не по моему адресу.

– Прежде чем фантазировать на тему благотворительности, они лучше бы подумали на другую тему.

– «Бесплатный сыр»?

– Точно! Хотя бы на пальцах считать эта публика должна уметь! Вот и посчитали бы, во что обходится эта благотворительность принимающей стороне. А некоторые ещё прихватили с собой весь домашний скраб: чего ж не прихватить на халяву?

По-русски лагерфюрер говорит не хуже меня, да и выглядит вполне по-русски. Не берусь угадывать, но он явно из эмигрантов третьей волны, если не второй, послевоенной. С эмигрантами времён Горбачёва и Ельцина его не спутаешь. Некоторые слова он интонирует по-другому: так в Союзе – даже бывшем – давно уже не говорят. Да и в манерах его, кроме старорежимности, чувствуется многолетняя оседлость: он уверен в себе, и вместе с тем, не ассимилирован.

– «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения...»? – снова понимающе кривлю я щекой.

Визави утвердительно машет головой.

– За всё в этой жизни надо платить, дорогой Александр. Нас, русских, в Канаде не так уж и мало. Но все они разобщены, многие интегрированы и дерусифицированы – с ними каши не сварить. В массе своей они давно утратили какую бы то ни было связь с Россией, а многие уже и по-русски не говорят. Среди них есть успешные предприниматели, но большая часть работает «на дядю».

– То есть, свободных ресурсов в наличии не имеется? – понимающе усмехаюсь я. Знак вопроса здесь присутствует формально – исключительно для порядка: я больше утверждаю, чем спрашиваю.

– Нет.

Контрагент даже не пытается косить в меня взглядом. Никакого осуждения моей прямолинейной сообразительности с его стороны не наблюдается. Кажется, мужику даже нравится то, что ему нет нужды вдаваться в детали.

– И привлечь их можно лишь таким способом?

Я уже не ерничаю: скорее, осуждаю. Бровь начальника выгибается дугой.

– А Вы можете предложить другой способ?

Несмотря на дугу, иронии на вопрос у лагерфюрера набирается. Жму плечами, не столько от неуверенности, сколько подготавливая контрагента.

– Не другой способ, а другую редакцию этого способа.

– То есть?

– Ну, например, можно было предложить – и честно написать об этом – что переброска через океан производится в кредит. Что кредит будет погашаться в льготном порядке, из заработной платы, в рассрочку, ежемесячными платежами без начисления процентов. И людям стало бы понятно, что работой они будут обеспечены. А где работа, там и жильё. Да и кредит – это солидно и надёжно: вроде, всё без обмана. Сразу понятно, что речь идёт не о «бесплатном сыре».

Лицо визави тут же покрывается скепсисом. Он звучно цокает языком – и морщится.

– «Сразу понятно» – это Вы о них?!

Следует презрительный кивок головой в сторону удалившегося «стада». Разумеется, смущаюсь: довод – убойный.

– Ну-у...ф...ф... всё, таки... Так сказать: для очистки совести...

– Нашей?! – ухмыляется лагерфюрер.

И снова он прав, и снова я оказываюсь тушѐ. Глаз визави иронически прищуривается.

– И, потом: чем одна неправда лучше другой?

– Но это могло быть правдой!

Я и сам понимаю, что звучу не слишком убедительно.

– Только не в нашем случае!

Лагерфюрер категоричен и императивен.

– Конечно, все понесённые нами затраты, которые Вам больше нравится именовать «кредитом», они оработают. Тут не о чем ни говорить, ни беспокоиться. Но здесь наши представления расходятся, и радикально. Ни о каком трудоустройстве...

Ограничиться усмешкой визави явно не может, да и не хочет – и потому ухмыляется.

– ... в цивилизованном или правовом смысле речи нет и быть не может. А это значит, что никакого оформления их деятельности не будет: ни договором, ни, как это было заведено в Союзе, трудовыми книжками.

– Работа за миску супа?

– Из брюквы, – ещё шире ухмыляется лагерфюрер. – У нас тут не богадельня, хотя без Бога не обошлось.

– Сочетаете физический труд и религиозное просвещение? – «в рабочем порядке» догадываюсь я.

Лагерфюрер согласно кивает головой.

– Физический труд на базе религиозного просвещения. Или так: физический труд как производное от религиозного просвещения.

– «Бог терпел и нам велел»?

Я не могу удержать щеку на и она опять едет вниз под грузом иронии. Но лагерфюрер и не думает иронизировать.

– Примерно так.

Вот теперь я не могу не нахмуриться: уже набралось достаточно оснований.

– Значит, я не ошибся, и у вас здесь – религиозная община? И не просто община, а, как говорят у нас «в СНГ», тоталитарного, экстремистского толка?

В знак согласия визави на мгновение прикрывает глаза веками, но не ограничивается этим, и берёт слово.

– Грубо и прямолинейно, как все ярлыки, но в целом...

– ... «как говорили у нас на фронте, разведку ведёте в верном направлении».

Брови контрагента моментально взлетают вверх.

– Вы были на фронте?! На каком, если не секрет?

– Это – из фильма, – улыбаюсь я. – Был такой фильм – про Московский уголовный розыск времён сорок пятого.

– А-а-а, – равнодушно тянет лагерфюрер.

Эта мирная почти «штатская» реакция даёт мне шанс вернуться в тему. Точнее, перейти к опасному уточнению.

– Так, кто же вы такие? Если вы – русские, то вряд ли – кришнаиты, муниты или последователи Хаббарда. Свидетели Йеговы?

Поскольку визави не спешит с ответом, скептически кривлю лицом я один – и «за себя, и за того парня».

– Теоретически не исключено, только вряд ли... Вряд ли эмигранты «второго призыва»...

– Расшифровал, – уважительно качает головой визави.

– ... подадутся к йеговистам, – в меру краснею я от удовольствия (совсем игнорировать комплимент не удалось). – Ещё меньше вероятность того, что вы – мормоны: это – совсем не для русских... Скорее всего, вы – староверы. Виноват: старообрядцы. Какие-нибудь хлысты или бегуны.

– Не какие-нибудь!

Лицо визави морщится от неудовольствия. Видимо, я задел действительно большую струну.

– Не какие-нибудь, и не «хлысты» – христововеры. То есть «Божьи люди». Слышали о таких?

Не слишком уверенно пожимаю плечами.

– Что-то помнится... из курса научного атеизма... Вас не шокирует моё признание?

– Нет, – равнодушно мотает головой лагерфюрер. – Напротив: было бы странно, если бы следователь эпохи «застоя», комсомолец, отличник с университетским образованием, веровал бы ещё во что-то, кроме «светлого будущего».

Осторожно выныриваю глазами из-под приспущенных век. Ещё более осторожно и даже робко откашливаюсь.

– Будете переделывать? Или, как говорили на заре Советской власти: «отправите на перековку»?

– Вас – нет.

Лагерфюрер смотрит на меня открытым прямым взглядом. В тандеме с предельным лаконизмом это успокаивает, и я успокаиваюсь, насколько это сейчас возможно «в принципе».

– Могу я узнать, почему?

– У нас на Вас серьёзные виды.

Кошу взглядом в контрагента, ожидая увидеть на его лице нескрываемую иронию, или что-нибудь в этом роде. Ничего не вижу: лагерфюрер и не думает кокетничать. Неужели он говорит правду?!

– Да-да, – без труда расшифровывает он мой вопросительный взгляд. – Но попросить Вас не щеголять своим атеизмом направо и налево я просто обязан.

– Почему именно Вы?

– Потому что я – «Христос» этого «корабля».

Другой от таких слов расхохотался бы моментально, а я воздерживаюсь. Не из чувства страха, не по причине здравого смысла: из того же курса научного атеизма вспоминаю, что у «хлыстов» «кораблём» называлась община, а вожак именовался «Христом». По мнению этих «Божьих людей», Христос мог вселиться в любого человека.

– В таком случае, вы – действительно «христововеры»...

Мой намёк на «такой случай», да ещё выданный задумчивым голосом и под такую же мину на лице, вызывает явное одобрение у контрагента. Губы его растягивает довольной улыбкой.

– Похоже, что Ваша «пятёрка» по атеизму – не «липа». Думаю, мы с Вами поладим.

– На какой основе? – осторожно «беру быка за рога». – Неужели, всё же – «капо»?

– Дался Вам этот «капо»! – смеётся лагерфюрер. – Мы – не «шталаг», какой-нибудь, и не средневековая секта религиозных фанатиков и изуверов. Мы – солидная организация, и даже юридическое лицо. И, как и всем другим солидным организациям, нам тоже нужны люди умные, образованные, самостоятельно мыслящие. Не «быдло», проще говоря.

Я осторожно кашляю в кулак.

– Могу я задать вопрос?

– Я его сам задам, – усмехается лагерфюрер. – «Зачем?». Вы ведь об этом хотели спросить?

Мне не остаётся ничего другого, как признать сообразительность визави. Лицо его тут же отказывается от усмешки.

– Руководящие кадры, уважаемый Александр. Нам нужны руководящие кадры со свежим взглядом на жизнь. Нам нужны люди, которые помогут осовременить заскорузлые формы.

– А не боитесь? – осторожно кривлю я губами. «По дороге» встречаюсь с явным непониманием контрагента.

– Чего именно?

– Ну, как это... «не вливайте молодое вино в старые вехи»?

Лагерфюрер смеется и одобрительно хлопает меня по плечу.

– Неплохо!.. Ну, что ж: прямою – за прямою!.. Представьте себе, не боюсь. Мы заскорузли в старых формах, и «молодое вино из Вас» поможет их осовременить. А ещё нам... мне нужны люди, которые имеют собственное мнение и не боятся его высказать. У нас таких давно нет. А из всего этого контингента такой – лишь Вы.

Губы лагерфюрера кривит презрением.

– Остальные – «травоядные». Но и в этом качестве они пригодятся нам. Мы нуждаемся не только в мозгах, но и в мускулах. Пятьдесят пар рук – это немало даже для такой небольшой общины, как наша. Тем более что все эти руки – из Казахстана. Значит, в отличие от кондовой Руси, они умеют работать... и не будут валять дурака.

Визави подаётся ко мне так близко, что его лицо почти наезжает на моё.

– А ещё нам нужен толковый юрист-хозяйственник. Мы изучили Ваше досье. Особое внимание было уделено Вашей работе юрисконсультантом. Я сразу же понял, что Вы – именно тот, кто нам нужен.

С миной удивления жму плечами.

– Стоило ли городить огород?! У вас тут, в Канаде, юристов – как собак нерезаных. Наверняка, полно их и среди русских эмигрантов. Почему было не обратиться к ним – вместо того, чтобы обманом завлечь кого-то с «исторической Родины»?

Лицо визави кривит скепсисом.

– Как говорится, рад бы в рай, да грехи не пускают. Здешний народ, дорогой Александр, основательно испорчен капитализмом. Истинно верующих почти нет: подавляющее большинство – хрестоматийные фарисеи. То, есть, притворяются и лицемерят. А многие не считают нужным делать и этого: просто не верят в Бога.

Тяжкий вздох исходит из груди контрагента.

– Вот и получается, дорогой Александр: на буржуазную расчётливость, иначе говоря, корыстолюбие, накладывается ещё и безверие, порождённое, как ни парадоксально, всё тем же капитализмом. Эту публику сюда...

– ... и калачом не заманишь?

– Нашим «калачом»! – выразительно дорабатывает пальцем вверх лагерфюрер. – Эта публика знает цену. И не столько себе, сколько на услуги такого рода. Многим из этих людишек цена – грош в базарный день. Но...

Под очередной протяжный вздох контрагент разводит руками.

– ... спрос на юридические услуги здесь, увы, постоянный. Что-то перепадает и им, а значит, поднимает их стоимость. Как итог, нам эта публика не по карману.

– Понятно.

Теперь уже я вздыхаю.

– Значит, я буду у Вас примерно на том же положении, на котором Эзоп был у Ксанфа? Лагерфюрер честно выпучивает глаза и честно же отвешивает челюсть.

– Не понял?

– Эзоп – древнегреческий раб-философ, баснописец, консультант и спаситель своего хозяина по имени Ксанф.

Лагерфюрер улыбается, но с изрядной долей смущения. Даже гладко выбритую щеку скребёт «под тем же соусом», то ли притворяясь, то ли взаправду.

– Ну, зачем так сразу, дорогой Александр...

– А, что: я не сразу буду рабом? – тут же выхожу я за рамки.

Преодолевая смущение, лагерфюрер прочищает горло. Делает он это неспешно и основательно: тянет время, заодно подбирая мысли и слова.

– Ну, это не совсем так...

– Что именно «не совсем»?

– Ну, вот это: «раб»...

Усмехаюсь: сейчас можно. Немножко, конечно... чтобы не забываться и не забывать, что излишняя смелость вредит не только карьере, но и здоровью.

– Уж, не хотите ли Вы сказать, что я прямо сейчас свободен на все четыре стороны?

Контрагент снова даёт смущение, и снова качественное и даже художественное, но на этот раз предельно экономное.

– Нет, чего нет – того нет...

И тут же он оживляется.

– Но, в отличие от остальной публики, Вы будете иметь преференции.

– Когда и какие? – «не засиживаюсь» я «в окопе»: момент-то – судьбоносный, пусть и который, уже, по счёту.

– «Когда»?

Лагерфюрер берёт паузу на размышление. Пауза – явно для меня: наверняка, всё было решено им ещё до того момента, когда я погрузился в самолёт. Даже раньше: как только я попал на карандаш. Этот вывод я делаю уже на том основании, что пауза длится всего лишь несколько

мгновений: для неподготовленного человека – «скорострельность» невероятная. Не вызывающая доверия, то есть.

– У нас в работе несколько имущественных споров: что-то пытаются отнять у нас, что-то пытаемся вернуть мы.

Лицо визави сереет.

– Но это не самое плохое... Гораздо хуже то, что нас хотят закрыть.

– Кто?

Я и сам слышу, как дрожит мой голос: любопытный поворот намечается.

– Власти, – сквозь зубы цедит лагерфюрер.

– За что, если не секрет?

Визави хмурится и косит в меня сердитым взглядом.

– Не секрет – для Вас.

Он выдерживает паузу в расчёте на моё «почему?», но я даже взглядом не веду: нечего «баловать мальчонку». Дяденька понимает это и «возвращается к микрофону». Разумеется, «по дороге» он не может «не пнуть меня».

– Правильно думаете: это ведь Вам работать над решением проблемы... Так, вот: один дурак из нашей общины смастерил какое-то устройство, и с его помощью захотел «исправить погрязшее в грехе человечество».

Несмотря на констатацию печального – для общины – факта, щека лагерфюрера ползёт вниз под грузом иронии. Не остаюсь безучастным – и демонстрирую понимание.

– «Исправить» самым радикальным способом: подрывом устройства?

– Чтобы нас тут же занесли в список террористических организаций!

Лагерфюрер вполголоса добавляет ещё кое-что, явно относящееся к непечатным характеристикам «дурака». Отведя душу, он с удручённым видом разводит руками.

– Мы, конечно, пытались отбиться... Доказывали, что этот террорист – несостоявшийся, кстати...

– «Не только не с нашего двора, но даже не с нашей улицы!» – как всегда, к месту, включаюсь я.

Лагерфюрер одобрительно хмыкает: то ли слышал где-то, то ли просто понравилось.

– Самое смешное – и самое грустное – что это правда. Несостоявшийся террорист давно уже состоялся как отщепенец. Он покинул наши ряды задолго «до того, как». Мы пытались это объяснить «карающему мечу»...

– «Объяснить»?! – тут же просыпается во мне юрист.

– Доказать, – под смущение на лице спохватывается контрагент.

– И?

– Нас не услышали. Как не услышали и того, что мы никогда не пропагандировали насилие...

Визави хочет повесить голову, но не успевает.

– Но хотя бы решение вы обжаловали?

Юрист – всегда юрист («солдат – всегда солдат») – и я уже в игре. Даже статус раба не может помешать мне в этом. Лагерфюрер, разумеется, замечает «души прекрасные порывы» и несколько оживает.

– Конечно, мы тут же обжаловали... Ну, насколько это было возможно...

– В пределах ваших сумм – и «ихних» мозгов?

Я иронически улыбаюсь – и мой «рабовладелец», наконец, может повесить голову.

– Ну, а что делать? «Не вольны мы в самих себе...». Выше...

– ... х... не прыгнешь, – корректирую я лагерфюрера «в направлении родных осин». – По-моему, это много точнее Баратынского.

Контрагент на мгновение отвешивает челюсть, и тут же в меня производится мгновенный «бросок глазами». Я доволен: заработан ещё один балл на «лицевой счёт». Обработав меня взглядом, лагерфюрер оглаживает ладонью подбородок и согласно качает головой.

– Да, пожалуй... Ну, тогда я тоже спрямлю дорогу: если Вам удастся выиграть это дело... только одно это дело, мы тут же открываем Вам лицевой счёт, и переводим на него... скажем, полную стоимость авиабилетов от Калгари до любой точки на карте, в которую Вы ткнёте пальцем.

Он выжидающе смотрит на меня, а я выжидающе смотрю на него. Мы оба понимаем, что решающее объяснение только предстоит. Это ещё не договор, а всего лишь преамбула к нему. Или, как сказал бы герой Высоцкого: «Это только присказка, сказка впереди».

Лагерфюрер не выдерживает первым.

– Ну, что ж: правильно молчите. Действительно, это ещё не всё... Если выиграете это дело, мы с Вами подписываем контракт сроком на один год. Подписываем задним числом, как говорят на Руси: он вступит в силу с сегодняшнего дня. Кроме авиабилетов, Вами же не помещают солидные «подъёмные»?

«Смешной вопрос!»... сказал бы я в любой другой обстановке. Но в этой давлению из себя смущённую улыбку: я пока ещё «не врубился». Не понятно, за кой хрен я получу эти «подъёмные»? И мне не остаётся ничего другого, как прямо спросить лагерфюрера об этом.

– Правильный вопрос, – одобрительно кивает головой визави. – Ваши «подъёмные» – Ваш будущий гонорар. Вы же не настолько наивны, чтобы полагать, будто мы набъём Вам карманы из альтруистических соображений?

Вместо ответа пожимаю плечами.

– Правильно, – одобрительно кивает головой лагерфюрер. – Вы их заработаете, а мы выплатим их Вам.

Осторожно кашляю в кулак.

– А что я буду делать... ну, после того, как выиграю это дело...

Замечаю удивлённый взгляд контрагента и поправляюсь.

– ... если выиграю это дело?

Улыбаясь, лагерфюрер непринуждённо разводит руками.

– Ничего для Вас нового: правовая работа в хозяйстве. Приведёте в порядок внутреннюю документацию – прежде всего, правоустанавливающие документы. Законодательство о труде – для проверяющих, претензии, иски, суд – всё это тоже Ваше. В каком-то смысле, Вы будете выполнять функцию буфера.

Удивлённо вскидываю бровь.

– Между кем и кем?

– Между руководством общины и «революционным элементом».

– «Правдоискатели»?

– Они самые, – хмыкает лагерфюрер, в очередной раз довольный моей сообразительностью. И тут же лицо его покрывается серым налётом: меня уже не удивляет то, как быстро мужик переходит от одного состояния к другому. – К сожалению, «борцов за правое дело» и прочих «ревнителей чистоты учения» хватает и у нас.

– Из числа рабов? – старательно прикидываюсь я дурачком.

Как и следовало ожидать, номер не проходит: лагерфюрер косит в меня укоризненным взглядом.

– Не надо, уважаемый Александр. Рабы – это... рабы, пусть и неопиты. Конечно, они – пополнение рядов верующих, но их основная функция – другая: создавать материальные ценности, в свободное от работы время воспевая ценности духовные.

– Понял, – лаконично кривлю я щекой. – «Не собирайте сокровищ на земли» – это...

– ... не для них, – «подхватывает знамя» лагерфюрер. – Установка для этой публики – с точностью до наоборот. Ничего не поделаешь: общине нужны средства, чтобы нормально существовать.

– И её руководителям – тоже, – «невинно» опускаю я глазки.

Секунд десять лагерфюрер посвящает сканированию моей поверхности. Надеюсь, не для того, чтобы выбрать кусок пожирнее. Может, оно и так, но ощущение, всё равно, не из приятных: будто-то тебя изучает рубщик мяса из гастронома. На профессиональный манер изучает.

Нагнав на меня... ну, если не страха, то разных мыслей, контрагент, наконец, с усмешкой качает головой.

– Верно, Александр: и её руководителям – тоже... Кстати, у Вас есть реальный шанс приобщиться к их числу.

– По истечении срока контракта? – «почему-то» догадываюсь я.

– Да, но приобщаться Вы будете в течении этого срока... И ещё...

Контрагент замолкает, абстрагируется... и, наконец, подвергает меня очередному испытующему взгляду.

– Буду прям, Александр: должность «Христа» на «корабле» – выборная...

– Кто смел, тот и сел? – перефразирую я под усмешку на лице: с немного дозволения руководства как-то начинаю в ней осваиваться.

– Именно.

Лагерфюрер и не думает улыбаться, хоть в унисон, хоть вдогонку.

– Эта должность – не синекура. Как и все «Христы», я – объект зависти конкурентов, реальных и потенциальных. Куда ни посмотри – одни «волки».

– «В овечьих шкурах»? – вновь скалюсь я.

– Если бы, а то ведь и не таятся!

Лагерфюрер настолько легко «отпускает» мне, что сразу же становится понятно: допекло мужика. Очередной тяжкий выдох из его груди подтверждает моё предположение.

– А Вы думали – как у Пушкина: «Царствуй, лёжа на боку!»? Или – то же самое, но у другого автора?

Он прикрывает глаза, и, к удивлению моему, цитирует наизусть:

– «Быть Генеральным секретарём – это не значит благодушно царствовать, это постоянное маневрирование, сложные расчёты, милые улыбки и внезапные удары. Всё это – во имя власти...».

Веки босса возвращаются в места постоянной дислокации – и он одним глазом «тычет» мне в лицо.

– Знаете, откуда?

– Обижаете! – ещё раз наглею я. – Михаил Восленский, «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза».

– Вот!

Указательный палец лагерфюрера тычет в потолок. Вероятно, тем самым, мой рабовладелец лишний раз хочет подчеркнуть истинность собственных слов, подтверждённых авторитетным заключением. Но я ошибаюсь.

– Вот, дорогой Александр, почему Вы нужны мне!

Оказывается, это «вот» адресуется не господину Восленскому, а «товарищу» мне! Интересно, в каком контексте?

– Мне по душе и Ваши убеждения, и их проявление. Вы – закоренелый сталинист, но не только спокойно читаете антисоветских авторов, но и пользуетесь уважением даже у отпетых антикоммунистов. Вы – пожизненный атеист, но по памяти цитируете Библию, и можете нормально общаться даже с религиозными фанатиками. Вы – свой в любой среде. И это –

не бесхребетность, а гибкость: не превращая в дискуссию в битву, Вы заслуживаете похвалу врага, завоёвываете его доверие, но при этом не меняете убеждений.

Лагерфюрер неожиданно берёт меня под локоть.

– От властей я отобьюсь – с Божьей помощью. Точнее, с Вашей. А, вот, отбиться от «братии» в одиночку...

Он сокрушённо качает головой.

– Если мы проиграем... допустим такой исход... меня «съедят» тут же. А, если выиграем, я всего лишь получу отсрочку... от обеденного стола, на который меня давно уже наметили главным блюдом.

Лицо его снова «прибивается» к моему.

– Александр, Вы нужны «кораблю». Но ещё больше Вы нужны лично мне.

– В качестве...

– ... советника и доверенного лица.

Лагерфюрер не торопится «отрабатывать» лицом назад и внимательно смотрит мне прямо в глаза. Смотрит с расстояния в какие-то десять сантиметров. Если он думает, что я... тоже думаю, то напрасно он так думает: я давно уже всё надумал. Ну, как давно: минут десять. Потому что, даже если из всего сказанного им правды не наберётся и на половину, всё равно, я согласен. Не по причине заманчивой перспективы: по причине отсутствия альтернатив. Это – тот самый классический случай, когда из двух зол выбирают меньшее. Предложение лагерфюрера, при всех его плюсах и минусах, и кажется мне таким меньшим злом.

– Александр, Вы не останетесь внакладе! – ползёт змеем-искусителем контрагент.

Выходит, не зря я пребывал в анабиозе: товарищ принял моё молчание за проявление сомнений – и тут же ринулся их добивать. Хорошо бы, если перечнем дополнительных льгот.

– «Внакладе»? – подвигаю я визави к большей конкретике. И товарищ не задерживается с лотком коробейника.

– Вы будете жить отдельно от этого быдла. У нас есть вполне приличная гостиница для уважаемых визитёров: соратники из других общин, соперники из других общин, всевозможные проверяющие, чиновники с полномочиями и без, родня и гости коллег по руководству... ну, и так далее. Никакого распорядка для Вас существовать не будет. Разумеется, и питаться Вы будете отдельно от этих скотов, и не с их стола.

Глаза лагерфюрера – по прежнему, без отрыва от моего лица – становятся ещё более выразительными.

– Если же Вы оперативно докажете свою состоятельность – в том, что Вы её докажете когда-нибудь, я не сомневаюсь – то Вам будет предоставлен отдельный коттедж со всеми удобствами.

Такое всегда приятно слышать, и можно бы ограничиться сказанным и не углубляться в детали, но, пользуясь благоприятным случаем, я продолжаю наглеть.

– А в каком качестве я буду... ну, осуществлять правовую защиту интересов общины?

– Отлично сказано, дорогой Александр!

Лагерфюрер, наконец, отстраняется от меня. Лицо его дышит энтузиазмом – и, хочется верить, не только в свой адрес.

– Именно «под таким соусом»... ну, с такой формулировкой – я и намерен провести Вас в Совет общины!

– «Совет общины»?!

Я непритворно удивлён: из доступных мне источников совсем не вытекало наличие в общине «хлыстов» коллегиального органа руководства. Во всех них, без исключения, констатировалось жёсткое единоначалие. Или даже здесь нет правил без исключений?

– Увы! – опять комплексно сокрушается визави: и лицом, и руками. – Как говорили древние, «времена меняются, и мы меняемся с ними»... Полагаю, Вы слышали о таких объединениях христововеров, как «Старый Израиль» и «Новый Израиль»?

– Что-то читал, – не слишком уверенно поддерживаю я «отсутствие сомнений» в контрагенте. – Если не ошибаюсь, там пытались модернизировать практику отправления религиозного культа старо... виноват: христововеров.

Только что удручённый, лагерфюрер смеётся.

– «Практику отправления религиозного культа!» Как же глубоко сидит в Вас атеист, уважаемый Александр!.. Но Вы правы: речь – именно о модернизации учения и его правоприменительной практики. Так, кажется, говорят юристы?

– Так.

– Совет и есть частный случай этих нововведений. Согласитесь: это всё же лучше, чем копировать организационное устройство РПЦ с её жёстко регламентированной иерархией и обрядами?

– Пожалуй.

Небольшой спец а таких вопросах, я кривлю лицом, но не душой. И это приходится по душе уже другой душе – той, что напротив меня.

– Но это же и плохо, – вновь грустит лагерфюрер. Разумеется, не могу отказать себе в удовольствии отсыпать соль на раны: дружба дружбой, а немного солёности не помешает. Для профилактики ненужных иллюзий... ну, и в порядке «ответной любезности».

– Почему?

«Посоленный» лагерфюрер вздыхает – и разводит руками.

– Приходится делиться властью! И, ладно бы: с единомышленниками, а то ведь с религиозными неандертальцами! Они не понимают и не хотят понимать, что на дворе – конец двадцатого века и канун двадцать первого!

Нырять в череп, задумываюсь «в контексте» – и, кажется, нахожу подсказку.

– А, это Вы – о хороших песнопениях и плясках до экстаза включительно?

– Ерунда! – пренебрежительно машет рукой визави. – Это ещё куда ни шло! Хотя, конечно, пережитки. Даже атавизмы. Но это ещё можно стерпеть. А, вот, запрет стяжательства – то есть, имущества в личной собственности, не говоря уже о коммерческой деятельности, а также табу на законные браки – уже ни в какие ворота!

Один его глаз возвращается на моё лицо.

– Вот, почему Совет надо рассматривать с позиции диалектики: единство и борьба противоположностей...

Несмотря на очевидную трагичность момента, я не могу удержаться от улыбки. Разумеется, лагерфюрер, в свою очередь, не может удержаться от реакции на эту улыбку.

– А Вы думали, что я – всего лишь «махровый реакционер», «полуграмотный сектант» и «ловкий проходимец»? Нет, приятель: «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь...»... Да, я – эксплуататор, и скоро Ваши попутчики, уважаемый Александр, почувствуют это на собственной шкуре. Но я – не дурак, который за воротами скита прячется от прогресса. От прогресса не прятаться надо, а использовать его во благо общества... не забывая, конечно, и о себе.

Лагерфюрер в очередной раз отслеживает мою реакцию, но я воспринимаю этот тезис «философически»: «все мы зачаты в грехе, и рождены в мерзости». Да и материальный (пусть и не материалистический) взгляд на религию мне куда ближе средневековых кликушеств «неандертальцев от веры».

Видимо – в прямом смысле – контрагент чувствует «единство взглядов» – и добреет глазами.

– Скоро, уважаемый Александр, Вы сами убедитесь в том, насколько я прав. Скоро – это на ближайшем заседании Совета, где Вы будете кооптированы в его члены.

– Кооптирован?!

Не могу скрыть удивления.

– А как же демократия... общество... всё такое?!

Лицо визави покрывается миной брезгливости.

– Это Вы насчёт равных избирательных прав для всех? Так, вот: перебудутся... эти все!

А то никакого порядка не будет!

Указательный палец контрагента вновь замещает восклицательный знак или столь любимый Владимиром Ильичом «Sic!»

– Мы приходим во власть не для того, чтобы уходить из неё!

Неожиданно крепкая рука лагерфюрера охватывает мои плечи. Глаза его так близко, что, кажется, ещё сантиметр – и они «породнятся» с моими.

– Так поможем же друг другу, дорогой Александр! Вы мне – укрепиться во власти и избавиться от соперников, я Вам – избавиться от «такой» Канады!

– Не понял...

Вру, конечно, но что поделаешь, если нужно «вскрыть товарища по полной». Кстати, «товарищ» и не возражает против «вскрытия»: тот же энергично обрабатывает головой.

– Есть и «другая» Канада – та, которая Вам понравится! Кстати, если Вы пожелаете оказаться в ней, ничто не мешает нам плодотворно и к взаимной выгоде сотрудничать друг с другом и дальше... По рукам?

Протянутая рука с широко «распахнутой» ладонью и в самом деле уже дожидается меня. Не считаю разумным затягивать сомнения, тем паче, их демонстрацию – и выдвигаю свою. Подтверждая консенсус, наши ладони смыкаются «в замке»...

...«Всё, что было загадано, в свой исполнится срок...». Лагерфюрер – человек слова: через день я уже член Совета общины, к удовольствию сторонников лагерфюрера, и, соответственно, неудовольствию его врагов. В штатном расписании меня культурно «обзывают» «членом Совета по вопросам правовой защиты интересов общины и её членом» (последнее – очевидный реверанс быдлу, чтобы не задавало лишних вопросов относительно «двойных стандартов»).

Не обманывает меня «рабовладелец» и насчёт «условий рабовладения»: я получаю вполне приличную комнату в гостинице, с унитазом, ванной, горячим душем, газовой плитой и холодильником. К сожалению, телевизор и радио в секте – под запретом. Но, поскольку мне как юристу общины, необходим источник справочного материала, Совет принимает решение о выделении мне компьютера и подключении его к Интернету. Так, что, при желании и с соблюдением мер предосторожности я могу «получать справки» не только из области юриспруденции.

В плане бытовых условий моим товарищам по несчастью – во всём остальном вовсе не товарищам – повезло значительно меньше. Можно сказать и так: им всем досталось – исключительно «на орехи» и «по первое число». Всех их развели по баракам с двухъярусными металлическими кроватями: женщин – отдельно от мужчин. Всех переодели в униформу с полосками, в которой они удивительным образом напоминают кацет времён «третьего рейха». Коммунальные услуги им предоставляются исключительно «во дворе»: и умываться, и отправлять естественные надобности. Баня – один раз в неделю, по субботам.

Видел я – по счастью, только видел – и меню трудящегося элемента: чёрный хлеб, перловка, сечка, брюква, сушёный картофель, кисель из крахмала с красителями и прочей синтетикой, имитирующей вкус и запах фруктов и ягод. Чай и кофе в секте не подают: «бесовское пойло». Все «кушанья» – весьма сомнительного качества, да и те по минимуму, в три приёма.

В первый же день от прибытия всех распределяют по бригадам – и начинается «счастливая жизнь за границей». По-разному начинается – у кого где. «Ассортимент счастья» – широкий: рудники, шахты, лесосека, пашня, сады, огороды. Рабочий день – двенадцать часов. Норма выработки – почти стахановская: к исходу двенадцатого часа многие не стоят на ногах: не могут.

В свободное от основной работы время – «политзанятия»: изучение Библии, песнопения и хороводы. Учиться надо так же ответственно, как и работать: каждую главу, каждый стих и каждую песенку в следующий раз отвечаешь, как школьный урок. Только, в отличие от школы – никакой халтуры: материал надо знать так, чтобы «от зубов отлетало». И никакой отсебятины: «шаг вправо, шаг влево» – и «двойка». А «двойка по успеваемости» карается строго: сверхурочными политзанятиями, а в случае повторного нарушения – увеличением норм выработки при одновременном сокращении рациона.

Передвижения по территории лагеря... то есть, общины – только строем. Исключение – для похода в туалет. Хотя и в туалет ходят строем, в строго установленное время, но, если приспичит, с разрешения старосты барака, исключение допускается. Правда, «нарушитель» тут же зарабатывает очередной балл в личный «дебет». Это не игра: всё очень серьёзно. Баллы суммируются, и при достижении цифры «пять» нарушитель подвергается взысканию: очередное лишение чего-либо. Например: отмена киселя сроком на одну неделю. Или дополнительные «песнопения» на такой же срок (два часа сверхурочно). А поскольку здесь регламентируется каждый шаг, заработать «дебет» даже старожилу – плёвое дело. Что уже говорить за неофитов!

Конечно, мои бывшие компаньоны завидуют мне чёрной завистью: я чувствую это по взглядам, которыми они прожигают меня насквозь. Вернее, стараются прожечь: тут у меня – броня в ладонь толщиной, как у немецкой «самоходки» «Фердинанд». В этом отношении я – «железный Феликс». Есть и другие основания, которые сводят их усилия на «нет». И главное из них: эта публика никогда не была мне своей, даже в одном самолёте. Одни из них летели семьями, другие – на пару с собственным высокомерием. Ни те, ни другие не удостаивали меня даже мимолётного внимания, пусть я и не домогался его: терпеть не могу так называемый «коллектив».

Честно говоря, мне их не жаль. Больше того, их теперешнее положение я воспринимаю с чувством глубокого удовлетворения. Эти скоты думали, что Канада – «лафа на халяву», нечто вроде «страны Лимонии, где сорок звонков – и все на обед». За границей они искали счастье по дешёвке, а я хлеб насущный. Если проводить аналогии с «жиром», то они с него бесились, а мне было не до него. Классика: «род лукавый и прелюбодейный ищет знамения – и не будет ему знамения». «За что боролись, на то и напоролись». Объективно этот сброд заслужил то, что получил. И я не вижу оснований жалеть их хоть сколько-нибудь. Я обрёл свою долю не за красивые глазки и не за веру в Христа: «всё учтено могучим ураганом». «Jedem das Seine». Я хотел просто жизни – они хотели сладкой жизни. «Небольшая» такая, разница. А, главное: меня было, за что оценить, а их нет...

Старожилы из племса тоже же не слишком радует мой «скоропостижный» взлёт. Они думали – если им это дано, в чём я очень сомневаюсь – что в моём лице найдут «младшего раба», которым будут помыкать в очередь за хозяевами. А здесь это в порядке вещей. Мои попутчики (единственно правильное определение для них) уже начинают испытывать это сомнительное удовольствие на собственных хребтах.

«Работой двойного подчинения» меня ждали здесь не без оснований. Так было со всеми до меня, без каких бы то ни было исключений. И вдруг, к огорчению толпы, новоприбывший, «без году неделя», да ещё из отпетых «большевиков-атеистов», выходит в начальство! Да и как выходит: одним махом! Кому такое понравится?! Правда, отсутствие положительных чувств ко мне «рядовые от Христа» могут демонстрировать только молча, одними лишь косыми взглядами, да и то исподтишка. Порядок здешний народ знает: «dura lex, sed lex». «Закон суров,

но это закон» – и его действие распространяется на всех, без исключения. И правильно: начальство лучше тебя знает, что и как, кому что, кого и куда. Лично мне это обстоятельство по душе.

Коллеги по Совету относятся ко мне со сдержанным любопытством. Сторонники «Христа» – теперь, как член Совета, я обязан называть «лагерфюрера» или так, или чуть скромнее: «Господь» – приветствуют моё появление. Противники – едва ли. Но открытого «косоглазия» в свой адрес, не говоря уже за лобовой афронт, я не замечаю.

Объяснение – простое: даже самые упёртые конкуренты «Христа» понимают, что над общиной совсем не шутя навис «дамоклов меч» правосудия. И, если разгонят братство, все они, в отличие от более предприимчивого руководителя, останутся «на бобах» и с голой жопой. И не потому что исповедовали установку «не собирайте сокровищ на земли»: потому что Господь не одарил мозгами. А «трудоустроиться по специальности» в другую общину, насколько я успел понять – «дохлый номер». «Братья во Христе» – братья друг другу лишь в одном случае: против атеистов и еретиков (адептов другой веры). Так сказать, «по линии крестового похода». Во всём остальном они – смертельные враги. Увы, конкуренция актуальна не только для жизни «в миру». Так что «снискнуть хлеб насущный» в случае разгона шараги будет огромной проблемой для всей братии...

По сумме негативных моментов мне некогда «раскачиваться», и я сходу начинаю оправдывать ожидания. Первым делом, навожу порядок в документах внутрислужебного характера: устав, правила внутреннего распорядка, квалификационные характеристики, тарифно-квалификационный справочник, личные дела и так далее. Бардак в бумагах – страшный, и поэтому моя работа по «зачистке Авгиевых конюшен» не остаётся незамеченной. В положительном смысле, разумеется: «слух пройдет обо мне...».

Следующий мой шаг: создание комиссии по трудовым спорам. Для общины это – что-то невероятное, как из другого мира. Возражение – типовое: «Этого никогда раньше не было!». Ответ на возражение – тоже типовой: «Раньше ничего не было – теперь будет!». Совет дивится нововведению, но добро на проведение эксперимента, всё же, даёт. «Всё же» означает, что меня ограничивают сроками и результатом.

К истечению срока я даю результат: народ, поначалу скептически и даже со страхом воспринявший идею комиссии, валом валит ко мне. Отныне я – что-то вроде «Соломона от юриспруденции». Ну, или третейский судья. Некоторые претензии народа к руководству я признаю обоснованными... и они подлежат удовлетворению. После этого «народ спасённый» смотрит на меня уже совсем другими глазами, и мне даже прощается «большевистский атеизм».

И вот уже я крушу последние бастионы оппортунизма: вооружённый собственными мозгами и «доверием коллектива», без проблем отбиваю псевдоюридические наскоки на «контртуру» разных мелких истцов. При этом не перестаю дивиться тому, сколь низок профессиональный уровень буржуазных юристов, которым «сам Бог велел» обыгрывать меня с неприличным счётом: ведь игра идёт на их поле и по их правилам. Однако «шайбы из ворот» вынимают они: игра – в одни ворота, словно встречаются обладатель Кубка Стэнли и команда эскимосов, неделю, как познакомившихся с шайбой и клюшкой.

И вот настает «время «ч», как говорили у нас в армии. Мы с «Господом» выходим на финишную прямую: наш иск к государству об отмене решения о признании общины экстремистской организацией рассматривается высшей судебной инстанцией Канады. Я уже окончательно освоился в местной юриспруденции, язык у меня подвешен – и шансов у оппонента никаких. Но я не собираюсь нокаутировать его в первом же раунде. Это не в моих интересах: если Совет увидит, что победа досталась мне слишком легко, это сразу же обернется недостачей авторитета. Кроме того, меня обязательно «догрузят». Неважно, чем: новым сроком, новыми обязанностями, не дай, Бог, налогами, но обязательно догрузят.

И поэтому я «очень старюсь», «борюсь» и даже «бодаюсь». Я ведь не зря добивался рассмотрения нашего иска высшей судебной инстанцией. Честно говоря, я мог бы победить

ещё «по дороге», где-нибудь «внизу». Но требовалось «нагнетать»: мои работодатели – они же рабовладельцы – должны были понять, насколько чудовищную ношу они взвалили на меня – куда тому Атланту с его смешным небосводом!

И, только доведя «Христа» и большую часть присутствующих в зале членов Совета до предынфарктного состояния, я снисхожу до «убоя» оппонента. Ну, как матадор снисходит до быка, истерзанного пикадорами и прочими бандерильяс. Разумеется, после столь «трудной победы» я – «в полном шоколаде». Даже мои недоброжелатели – из числа недоброжелателей «Господа» – вынуждены отдать должное моим юридическим и прочим талантам. Меня «увенчивают лавровым венком» «триумфатора полного формата»: отдельный коттедж, персональный контракт, солидный оклад по должности, плюс процент от суммы выигранных исков. А, самое главное: срок моего «заключения» ограничивается, как и обещал «лагерфюрер-Христос», одним годом, из которого я уже «отбыл» целый квартал. А дальше – в чём я уже ничуть не сомневаюсь – всё будет...

А ведь могло быть и так: по прибытии в этот «шталаг» никто ко мне не подходит, и я вместе со всеми следую в баню, «на профилактику от вшей». Никаких исключений для меня не делается и в дальнейшем: как и все, я обряжаюсь в какую-то серую хламиду, занимаю отведённые нары в бараке, со всеми вместе хожу в столовую, «удобства во дворе» и на работу. Работа – каторжная: лесоповал. Нормы выработки: стахановские. «Обучение религии» – в свободное от работы время. Старожилы – вроде бы, «братья во Христе» – относятся к нам, в лучшем случае, как к людям второго сорта. В худшем – как к рабочему скоту. Даже как к полувзврятам: скотину они жалеют – дань патриархальной традиции.

В целях профилактики нездоровых настроений нам сразу же объясняют, что убежать отсюда нельзя: кругом, на сотни километров – непроходимая, первозданная тайга, изобилующая не столько ягодами и грибами, сколько волками и медведями. Для наглядности даётся пример двух неофитов «призывом раньше»: бедолаги рискнули – и на свою голову... без которой каждый из них остался уже через сотню километру от «точки». Пример даётся максимально наглядно: в виде двух скелетов в шкафу. Последнее – без кавычек: обезглавленные скелеты действительно находятся в стеклянном шкафу.

Тут же выясняется, что «благодетельность» по переброске живого груза через океан – это классический «сыр в мышеловке». Каждый из нас к моменту прилёта оказывается должен почему-то по три тысячи канадских долларов. При этом опять же почему-то не принимается во внимание, например, тот факт, что я прилетел один и без багажа. Приказным тоном новопривывшим объясняют, что в общине – как в армии: один – за всех, все – за одного, а «время фиксируется по последнему». Ничего своего у нас теперь нет – только общее. В том числе – и долги... поделённые на всех поровну.

Я – убеждённый большевик, но категорически против уравниловки. Особенно такого рода. Разумеется, «против» я – исключительно про себя: давать глас вопиющего в пустыне и искать приключения на свою задницу не входит в мои планы...

А дальше... Чувствую по лицам попутчиков, а еще больше по тому, что «иных уж нет, а те далече». Ряды «выбравших свободу» изрядно поредели: доказательством – местное кладбище. Я уже видел его в тот приезд, «в альтернативе». Тогда этот «приют спокойствия» был значительно компактней. Сейчас же он прирос, минимум, полусотней новых могил.

Хожу вдоль рядов ещё только начавших темнеть восьмиугольных крестов. На них, само собой – никаких фотографий: не в традициях староверов. Зато ниже «общинных кличек» типа «брат Иван» или «сестра Мария» – вполне гражданские реквизиты в скобках: «Петров Николай Васильевич» или «Сидорова Татьяна Михайловна». И традиционный «прочерк между датами».

Я помню имена и фамилии некоторых из моих попутчиков. Удивительно, но они (имена и фамилии) не законспирированными стоят на полутора десятках крестов. А ещё на таком же

количестве – реквизиты тех, кого я «на законных основаниях подозреваю в причастности к соратникам по несчастью». Какие это «законные основания»? Ну, у всех – свои, разные. У кого-то – специфические имена, у кого-то – такие же отчества, у кого-то запомнились годы – и даже месяцы и дни рождения. Лично моих реквизитов нет ни на одном из встреченных крестов.

Я вижу себя, «альтернативного»: осунувшийся, сгорбившийся, почерневший лицом, исхудавший до скелета, наполовину седой, наполовину лысый. На мне, как на вешалке, висит давно истраченное обмундирование, «на все сто» напоминающее гардероб «кацет». У меня – мозолистые руки, чёрные и грязные, расплющенные «систематическими упражнениями» с лопатой, кайлом и пилой. Я стою в строю таких же, как и сам, «кацет»... пардон: «братьев во Христе». Идёт перекличка: вероятно, нас только что пригнали с работы. Всё идёт рапидом, но ощущение времени от этого не пропадает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.